

Левсет Дарчев

НАДЕЖДА И РАЗОЧАРОВАНИЕ

16+

Левсет Дарчев

**Надежда и разочарование.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дарчев Л. Н.

Надежда и разочарование. Сборник рассказов / Л. Н. Дарчев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга знакомит с занимательными историями из жизни разных людей. Вас ждут радостные и печальные, смешные и грустные, романтические и даже трагичные рассказы о том, что волнует и окружает каждого из нас, о том, как сделать правильный выбор и найти верный путь. В чем состоит радость жизни? Каковы истинные ценности и нравственные ориентиры личности? Герои рассказов и повествовательных циклов пройдут немало испытаний, прежде чем поймут, что только добрые, честные, отзывчивые и трудолюбивые люди бывают по-настоящему счастливы.

Содержание

Надежда и разочарование	6
Иногда лучше работать руками, чем головой	12
Кофе и тетя Мотя	16
Кто хочет всего, остается без ничего	17
Намёк да невдомёк	20
Никто никому не нужен, никому ничего не надо	23
Сын будет таким, каким воспитаешь	26
Незваные гости	26
Сенокос	29
День свадьбы	30
Сумка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Левсет Дарчев
Надежда и разочарование

© Дарчев Левсет, 2018

Надежда и разочарование

«Ничто не проходит бесследно, – думал Зияди, – на теле легкие шальные детские шрамы, на душе потяжелее – от жизни длиною в семь десятков лет». Черные брови разрослись и появились длинные поросли, а между ними пролегла увесистая складка. Трое детей: один мальчик – Гиви, сложенный по его эскизу, – высокий, стройный с темными глазами, прямым носом и волосами, отливающими медью. Две дочери – Майя и Роза, больше похожие на мать стройной изящной фигурой, красивым овалом лица, нежные и чувствительные. Это все его богатство, все его достижения. Сын в России, дочери – в Канаде. А он – один в большом доме, летом утопающем в зелени фруктовых деревьев и винограднике, а зимой укрывающемся под снежной скатертью, выдавая существование лишь одной трубой на крыше, откуда валит дым – признак жизни, тепла, уюта.

«Не все плохо. Главное – сердцем не стареть. Жизнь продолжается, завтра отмечу юбилей. Приглашу всех друзей и родню и буду радоваться на всю округу как никогда».

– Эй, ты где? – раздался звонкий голос жены Ноны с нижнего этажа дома.

Зияди прислушался к ее шагам, которые были не так быстры и озорны, как раньше. Вскоре она поднялась по лестнице, выпрямилась во весь рост – худая, узкокостная, с крашеными в медь волосами, чтобы спрятать седину. Ее карие глаза остались такими же живыми, как и в юности. Прямая и честная. В руке она несла телефон.

– На, это Гиви.

Сердце у Зияди дрогнуло, потому что звонок означал одно – он не приедет.

– Алло, – прозвучал знакомый, очень желанный тембр голоса сына. – Отец, гамарджоба.¹

– Гагимарджос,² сынок, – ответил он одеревеневшим голосом.

– Отец, я от всей души поздравляю тебя с юбилеем, – произнес Гиви, стоя в зале ожидания аэропорта. – Извини, я очень хотел приехать, но обстоятельства... Я собираюсь в командировку в Испанию и как только вернусь оттуда, я прилечу домой и мы...

– Зачем ты летишь в Испанию?

– Дела, отец.

– Я слышал, что ты там связался с...

– Нет, нет, отец, – быстро прервал его Гиви. – Мы же об этом говорили. Слухи всего лишь. Еще раз – поздравляю.

– Спасибо, сын. Ты с кем? – тронутый заботой, спросил его Зияди, услышав в трубке женский голос.

– Я один. Пауза.

– Эх, ты, – неужели у тебя не получается найти какую-нибудь грузинку и жениться, сынок. Тебе уже тридцать лет. Ты забыл обещание?

– Нет, отец. Нет. Я в этом году непременно женюсь.

– Сынок, ты знаешь, какой самый главный инстинкт у живых?

Молчание в трубке.

– Какой?

– Сохранение рода! – грустно сказал Зияди, отвечая на свой философский вопрос. – Есть такое маленькое существо – притворщица листочка. Даже она, находясь до половины в пасти у хищника, откладывает яйца, чтобы продолжить себя в новой жизни. Я в большом доме, где ты родился и бегал без штанов. Мне здесь сегодня одиноко, сын. Я не против: можешь жениться и на испанке...

¹ Гамарджоба (по-грузински) – привет.

² Гагимарджос (по-грузински) – привет (в ответ на приветствие).

Через минуту Зияди грустно опустил руку с телефоном и тихо промолвил:

– Я уже не могу вмешиваться во взрослую жизнь детей.

Нона застыла, глядя на раздосадованного мужа с немим взглядом на лице, вспомнив беседу с врачом накануне.

Взрослый терапевт с минуту молчал, перекладывая листы с анализами друг на друга. Нона с трепетом ждала, что скажет этот человек в белом халате, который за день хладнокровно констатирует десяткам людей трагические исходы, сохраняя полное равнодушие.

– Я не знаю, что и сказать, – начал он механическим голосом. – Судя по анализам, у него нет ничего серьезного – можно жить и сто лет. Вот, сердце чуть пошаливает. Это орган, о котором докторам мало, что известно. Смотришь на человека, вроде здоров, а казусы происходят. Я думаю, что у него все это связано со стрессом из-за увольнения с работы, – он случайно не участвует в политических баталиях?

– Нет, – отрезала Нона. – Его политика не интересует. Он просто был хорошим хозяйственным без алчности и лицемерия. Очень многое сделал для людей. Вручили Похвальную грамоту, прицепили медаль и сказали: «До свидания». Он не ожидал этого.

Врач начал что-то писать на бумаге каракулевым почерком. «Попробуй разбери потом, – думала Нона, – их, наверное, еще в институте учат писать по-хитрому, а то, как объяснить то, что все медики пишут одинаково безобразно».

– Вот, возьмите рецепт, – начал доктор давать указания. – И, пожалуйста, делайте, как я вам скажу.

Нона приблизила бумажку к глазам, прочитала и вернула ее на стол обратно.

– Не пойдет, – сказала она уверенно, – это лекарство ему противопоказано из-за печени.

Доктор, недолго думая, притянул к себе бумагу, перевернул ее и написал на обратной стороне другое название лекарства.

Нона еще раз прищурилась, ознакомливаясь с новым названием.

– Не пойдет и это тоже, – бесцеремонно произнесла Нона, глядя ему в глаза. – Почки.

Доктор раздраженно нахмурился. Он нервными движениями достал из стола новую бумажку и нервно толкнул ее к Ноне.

– Тогда возьмите и пишите сами!

Нона растерялась, не ожидая от доктора такой психической реакции. Она ошетилилась и, схватившись за ручку, быстро и злостно что-то нацарапала, затем толкнула бумагу под очки доктора.

Доктор прочитал и выпучил глаза.

– Что это? – он прищуренными глазами увидел математическое квадратное уравнение.

– Я сорок лет проработала учительницей математики в школе, а вы мне...

Доктор слегка улыбнулся.

– Извините, – произнес он, вернувшись на землю, – я просто... вы знаете, я с утра с людьми и... – Он замолк, осознав, что его чувства и усталость никому не интересны. – Еще, у вас есть кому делать укол, если вдруг ему будет плохо? – Он встал и достал из шкафа ампулу. – Вот это лекарство надо уколоть.

* * *

Нона вернулась домой и вышла из оцепенения, когда муж спросил:

– Мне не нравится, как ты смотришь на меня, – проговорил Зияди. – Что, врач разочаровал тебя?

– Да, нет: он сказал, что проживешь сто лет.

– Да, доктор не очень высокого мнения обо мне. Сто лет для грузина мало.

Нона стояла перед ним, отрешенно улыбаясь, склонив голову набок. «Девичья привычка», – подумал Зияди, глядя на жену и вспомнив выпускной школьный вечер, когда он так хотел признаться в любви, но сделал это спустя три года. Она была самой красивой.

– Я думаю, может не стоит затеваться с юбилеем? – с сомнением произнесла Нона. – Дети не приедут...

– Стоит, стоит, – твердо сказал Зияди. – Для чего тогда жить? Пусть не думают, что я сдаюсь. Я просто хочу собрать своих друзей, пить вино, вспоминать дела ушедших дней, шутить и смеяться. Мне доставляет истинное удовольствие, когда за столом вспоминают имя моего отца. Тогда для чего я закопал вино, вырастил на привязи барана? Жена, ты же знаешь, что по-другому я не могу. – Он тяжело встал. – Позови соседа Батраза. Кое-что надо обсудить.

Нона стояла неподвижно в полной прострации.

– Знаешь, чего я боюсь, – неуверенно сказала она, – я боюсь, что твои друзья не придут, и тогда у тебя будет еще один стресс. Сам подумай: сейчас людям не до этого. Друзья были друзьями, пока ты был на должности, а сегодня ты никто – пенсионер. И кто будет кушать твоего барана? Только не подумай, что мне жалко. И знаешь, что доктор сказал?

– Что?

– Никаких переживаний, – сказала Нона. – Сердце может не выдержать.

Зияди вздохнул и задумался: случай непростой.

Он стал расхаживать взад-вперед, сцепив руки за спиной. От напряженной мысли его лицо скорчилось. В спортивных брюках и красной футболке, выделяющей его обвислые черты, он спустился во двор, зашел в сарай и погладил барана. Затем он направился к месту погребения вина, обошел его по кругу, заложил руки в боки и вскинул голову. Его напряженный мозг выдал идею, и он поторопился к жене.

– Нона, вот ты говоришь, что нельзя переживать?

– Да.

– А радоваться можно?

Нона растерялась.

– Что за вопрос? Конечно, можно, – милостиво согласилась Нона.

– Тогда у нас все получится, милая. Есть способ пригласить друзей, – его глаза, прищурившись, лукаво торжествовали.

Жена выжидала.

– Какой?

– Давай объявим, что я умер.

Нона съежилась.

– Ты с ума сошел.

Сосед Батраз, осетин по национальности, со скуластым лицом и солидными усами, выслушав Зияди, обалдел и долго не мог ничего говорить. Через минуту, когда все осмыслил, он засмеялся.

– Такое может прийти только в твою голову, Зияди, – сказал он, мотая головой. – Ты занесешь себя в книгу памяти. Что ж, я за! – он гордо покрутил усы за кончики.

В середине дня Зияди пожаловался на боли в сердце, и Нона позвала медсестру, чтобы сделать укол. Та, взяв в руки ампулу и уставившись на нее тупым взглядом, застыла, переведя ошарашенный взгляд на Нону.

– А что, дяде Зияди так плохо?

– Врач сказал, что у него увеличенное сердце, – произнесла Нона. – Я не знаю: Зияди шутит и говорит: «У больших людей бывает большое сердце». – Она застыла с минуту. – А что, сильное лекарство?

– Ну, да – морфин.

Нона вздохнула и отвела взгляд.

К вечеру дня во дворе Зияди все шуршало: стол, стулья, посуда, мясо, костер. Сам Зияди, поглощенный великолепной идеей и счастливый, вертелся как маленький мальчик. Забыв про всякие болезни, он разжигал костер, разделявал мясо и все время напевал старую грузинскую песню.

Нона следила за ним украдкой, с горечью вспоминая прошлое, которое пролетело бесследно, как один миг. Вспышка света. Блеск молнии. С годами стали блекнуть даже яркие события в жизни, такие как свадьба, дни рождения детей. Все позади, впереди только воспоминания и неизвестность.

Первым на «поминки» приехал Гоги из Семендари с венком, как положено, с красными глазами. С ним прошло детство и вся взрослая жизнь. Он выразил соболезнования Батразу с непередаваемым чувством потери.

Зияди неожиданно вышел из-за угла и сияюще стал в костюме и галстук с распростертыми руками, готовый принять Гоги в свои теплые братские объятия.

– Генацвали, Гоги...

Гоги выронил венок, и у него отвисла челюсть. Он, обуреваемый чувствами, с минуту стоял как вкопанный, не в силах произнести ни одного слова.

– Хм. Зияди. Ты так больше не шути, – сказал Гоги наконец. – У меня сердце не железное.

Вторым подрулил к дому Зияди его старый друг из Тбилиси Саба, семидесяти лет, богатый, как черт и взрывоопасный, как вулкан. Он буквально залетел во двор, быстро проговорив что-то Батразу, устремился в дом, чтобы увидеть в последний раз лицо покойного друга. Но вместо этого он лбом наткнулся на живого Зияди. Он оторопел с открытым ртом, не совсем понимая, что происходит. Обретая дар речи и обнимая Зияди, он выругался:

– Старый козел, я хотел приехать с подарками на юбилей, а ты взял и все испортил. А ты и не догадаешься, что это.

Зияди прищурился.

– Неужели, это правда? Ты хотел подарить мне мундштук, из которого курил Сталин?

– Хорошо, что мозги твои еще не высохли, – сказал Саба. – Ты догадался. Я обещал подарить его тебе на юбилей.

– Ну, ничего, – сказал Зияди. – Есть много вещей, о которых нам стоит жалеть. Я подожду еще десять лет.

Третий был Сулико из Гори с седой шевелюрой и лицом, изрезанным морщинами. Великий оптимист и человек твердых убеждений. Он вошел во двор с букетом цветов и подарками. Он осмотрелся по сторонам. Несмотря на то, что у всех были нарисованные скорбные лица, он улыбался, потому что каким-то образом узнал про розыгрыш: таких не проведешь – он не сомневался, что это был розыгрыш старого хохмача. И вскоре он в этом убедился, когда Зияди закричал:

– Сулико! Брат, как ты догадался?

– Птицы донесли.

Друзья в сборе. У каждого столько накопилось слов и новостей, хоть сиди до самого утра. Застолье у грузин – дело традиции и особого отношения, когда люди отбрасывают прочь неприятности, проблемы, тревогу. Молчание и равнодушие, обособление не приветствуются – это может восприниматься как обида. Нигде на Кавказе нет столько тостов и правил поведения, относящихся как к тамаде, так и рядовым...

Гости начали рассаживаться вокруг стола, установленного в саду под абрикосовым деревом: Зияди во главе, а Нона – рядом сбоку. Одна половина стола была в тени, а другая – под тускнеющими лучами солнца, яркость которых отбирали сумерки наступающего вечера. Так она могла видеть и чувствовать локоть мужа, о здоровье которого пеклась.

Гоги выглядел несокрушимым и с трудом сдерживал молчание, чтобы потом взорваться, когда наступит весомый момент. Он это сделает с тактом и глубоким юмором, так что сме-

яться будут все. Его любимая тема, каким он был богатым в советское время, когда работал завскладом стройматериалов. Он продавал кафель упаковками, но умудрялся вытаскивать из каждой упаковки по одному кафелю, и вот так он сделал состояние и разбогател. Было время, когда к нему прицепилась кличка «Кафель». Потом он иронично добавлял: «Не рассказывайте никому, а то не дай бог услышит тот, кому не положено это знать».

Саба, как ни странно, держался проще, оставив свою театральность в долине Алавани, которая всегда завоевывала сердца людей своей открытостью и дружелюбием. Он даже в простых вещах так искусно находил величие, что каждый мог бы отнести это на свой счет. Он умело покупал человеческое внимание – люди потом безрассудно начинали ему верить. Гений общения и романтик, жизнь которого оказалась далека от романтики.

Нона заметила, как Зияди ликовал и наслаждался – он никогда не хотел бы с ними расставаться, другими словами он жил тогда, когда он был в этой среде – его стихии и его мечте.

– Дорогие мои, – начал Сулико, поднимаясь из-за стола. – В правой руке он держал рог с чачей. – Я вам расскажу один случай из жизни Зияди, что говорит о его душе, о его любви, о его большом сердце.

Зияди дрогнул, а Нона застыла, не в силах догадаться, о чем может пойти речь, но ей не понравилось выражение «большое сердце» как во врачебном диагнозе. Только не это.

– Это случилось лет десять назад. – Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что все его слушают. – Как мы знаем, Роза училась в Ростове, но когда она ехала поступать, Зияди и Нони провожали ее на вокзале в Тбилиси с беспокойным сердцем, потому что она там никогда не была и никого там не знала. Посадив ее на поезд и вернувшись домой, Нона говорит: «Зияди, мне так плохо и боюсь за дочь. Кто ее встретит? Как она поступит?». Итак, Зияди едет в аэропорт и покупает билет в Ростов. Вы можете себе представить глаза Розы, когда она увидела отца на перроне в Ростове с охапкой цветов, который прилетел из Тбилиси, чтобы встречать ее с поезда на перроне?

Все заплодировали. Нона хмыкнула и опустила голову, чтобы раствориться в воспоминаниях.

– Теперь загадка: я хочу всех спросить, кто самый любимый певец у Зияди? – Все зашевелились. – Зияди, ты молчи.

Гоги поспешил первым:

– Ясное дело – Марья.

Сулико отрицательно покачал головой.

– Меладзе, – уверенно произнес Гоги. Сулико:

– Нет. Это «Виноградная косточка». Встречайте и включите телевизор.

Сразу после того, как закончилась песня, Сулико, повысив голос:

– Это не всё, – он щелкнул пальцами и во двор стала заходить группа молодых людей.

У всех перехватило дух, когда увидели молодую, прелестную девушку в национальном одеянии в сопровождении двух молодых ребят с гитарой и барабаном. Они артистично зашли во двор, подошли к столу, забрали свободные стулья, чуть отошли в сторону и началось такое – зазвучала народная песня про любовь.

*Роза расцвела среди полей,
Лепестки раскинув широко.
С болью в сердце подошел я к ней.
И спросил: «Не ты ли Сулико?»
И цветок невиданной красы
В знак согласия голову склонил.
И, как слезы, капельки росы
На траву густую обронил...*

Через минуту все, как один, хором начали подпевать. Нона на фоне горы засмотрелась на профиль мужа и видела, как его глаза наполнились слезами от непередаваемого чувства душевного удовольствия – чего еще желать от жизни: его друзья радовались и разделяли его чувства.

– Спасибо, Сулико, – сказал Зияди, после того, как песня закончилась, тронутый вниманием. – Спасибо, брат.

Слово предоставили Гоги, и он, взяв в руки бокал с вином, долго молчал, глядя на поверхность вина, которое блестело серыми оттенками: он там собирал свои мысли:

– Зияди, ты занимал высокие должности и летал высоко, но ты никогда не смотрел на людей свысока. Я... я всегда гордился, что у меня есть такой друг. Ты прожил красиво семь десятков и желаю, чтобы ты прожил еще столько же.

Получился настоящий праздник.

Гости разъехались, оставив за большим столом двоих: Зияди и Нону.

– Вот видишь, как все хорошо получилось? – заявил Зияди с гордостью. – Спасибо тебе, милая, – он осмотрелся по сторонам, – Батраз тоже ушел? Надо было ему дать шашлыка детям. Я ему даже спасибо не сказал, – с сожалением в голосе добавил он, потом, отведя взгляд, добавил. – А девочки даже не поздравили.

– Поздравят. Еще успеют. Там же часовые пояса. Может, там ночь.

– Да, – выдохнул Зияди, – **ДЕТИ – НАША САМАЯ БОЛЬШАЯ НАДЕЖДА и САМОЕ БОЛЬШОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ.**

– Не унывай! – прервала его Нона, желая отвлечь от досады. – А Батраза, утром отблагодаришь, когда он придет, – произнесла Нона. – Она встала, опершись обеими руками о стол. – Пошли домой! – Нона увидела на лице мужа странное выражение, как будто он смотрел сквозь нее куда-то вдаль. Ее сердце ёкнуло.

– Нет, – устало произнес Зияди, – я домой не хочу. – Голос ровный. – Нона, можно я здесь останусь.

– Нет, – отрезала Нона, – по ночам холодно.

– Тогда принеси мне плед. – Он нежно смотрел на жену. – Пожалуйста!

Нона скривилась и с минуту стояла, изучая его черты, которые изменила мягкая ночная тень. И ей показалось, что что-то толкает ее исполнить его желание. Он просит.

– Тогда два пледа, милый: один – тебе, другой – мне.

– Неплохая идея, – произнес Зияди. – Вспомним молодость, как мы грелись у ночного костра, – сказал он.

Ночь, украшенная россыпью мелких звезд, была нежной, ласковой. Тепло убаюкивало. Нона уснула крепким сном, держа теплую, до боли знакомую руку любимого в своей руке, и она даже не почувствовала, как через некоторое время она охладела.

Друзья настояли, чтобы на надгробном камне написали: «Красиво жил и красиво умер».

Иногда лучше работать руками, чем головой (табасаранская поговорка)

К десяти часам утра солнце поднялось высоко над горизонтом, и в воздухе не было ни малейшего дуновения ветра. Несмотря на это, сельчане все как один вышли на сенокос, кроме одного – тридцатилетнего Мази, с темными, глубоко посаженными глазами, низким лбом и с никотиновым налетом на зубах.

Он сидел на застекленном балконе дома, созерцая красоту родного края: два горных хребта дугой спускались вниз, как бы замыкая пространство вокруг села, заполненного фруктовыми деревьями и зелеными лугами, а внизу далеко, на линии горизонта, тонкой синей полоской красовался берег Каспийского моря.

За плетеной оградой спереди его дома промелькнул сосед Экпер с косой, накинутой на плечо. Вслед за ним прошла и его жена в широком цветном складчатом платье и белом платочке с веревкой в руке, свернутой в узелок. Мази, сделав смачный глоток горячего чая, еще дальше откинулся на спинку стула, ощущая приятное давление на позвоночник, затем взмахом руки прогнал от себя кучку назойливых мух, зевнул и сомкнул отяжелевшие от скуки и лени веки.

Дверь открылась, и жена по имени Сельми, красавица с миндалевидными темно-зелеными глазами, появилась рядом с ним.

– Спишь? – спросила она с возмущением. – Люди уже собрали сено и дома скирдуют, а ты?

– Тихо! – перебил ее Мази и стал прислушиваться. Издали донесся гул грузовика. – Интересно, что за машина?

Вскоре по дороге, огибающей его дом, на скорости пронеслась колхозная машина с тюками сена. А когда через несколько минут промчался второй такой же грузовик, Мази встал и, глядя на жену, сказал:

– Знаешь, что? – он прищурился, изображая умный вид. – Чтобы запастись сеном, некоторые работают, чтобы не думать, а я буду думать, чтобы не работать.

Лицо Сельми вытянулось.

– Ты не понимаешь, – продолжал Мази. – Я имею в виду, что можно заполучить по тюку с каждой проезжающей машины. Это просто как три копейки.

Сельми покосилась на мужа, приподняв одну бровь.

– Как?

Мази рассказал свой быстро созревший план.

Сельми подозрительно прищурилась, мучаясь в сомнениях: она уже давно убедилась, что в жизни ничего так легко не дается.

– По той дороге водители гоняют машины на высокой скорости, и ты не успеешь кинуть веревку, – произнесла Сельми.

– Подумаешь, большая проблема, – небрежно произнес Мази. – Все просто: я брошу каменную глыбу посередине дороги, и им придется сбавить скорость, чтобы объехать. Так что под ореховым деревом машина Усейбега будет ползти, милая.

Жена вышла провожать своего находчивого мужа, она стояла со скрещенными на груди руками, прислонившись к стене и недоверчиво глядя на него.

– Как только пройдет машина, подбегаешь и уносишь, – приказал Мази. – Тут всего два шага.

– Нет, – коротко отказалась Сельми. – Если увидят – стыд какой. Все работают, а ты...

– Да брось ты. Что тут такого. Надо искать легкие пути. Два часа развлечений и сено на зиму готово. Нет, и вправду, что тут такого.

– Ты как хочешь, а я не пойду, – твердо решила Сельми. – Во-первых, воровать это уже нехорошо. Во-вторых, милый, у тебя не такие уж мозги, чтобы все рассчитать до мелочей, а то был бы каким-нибудь начальником.

Мази раздраженно нахмурился.

– Начальником, начальником, – пролепетал Мази, – ты, что, телевизор не смотришь? – Воруют все, кому не лень: и губернаторы, и прокуроры. А вот такими руками, – он выставил грубые ладони мохнатых шершавых мозолистых рук напоказ, – никто еще не разбогател. – С надутыми венами на шее Мази, продолжая распутывать веревку и обидевшись на жену, пробубнил себе под нос: «Мозга нет», – тоже мне! Зато ум есть!»

Махнув рукой и уходя за угол дома, Сельми добавила:

– Еще не забывай, что соседка Месме всегда на страже.

– В этом тоже есть плюсы, – сказал Мази под нос самому себе, с азартом распутывая веревку, – если она увидит, я привлеку ее. Попролам – пусть помогает. Она такое не упустит, не то, что ты. Честная, порядочная.

Все решено. Нельзя было терять время. Он быстро спустился вниз и направился в сарай. Через несколько минут он появился во дворе в полном снаряжении: на ногах – резиновые цепкие галоши, на голове – шлем мотоциклиста (какой предусмотрительный парень – это, если он вдруг упадет с ветки вниз головой). На лице самодовольное выражение: глаза торжествуют, губы смеются.

Мази быстро добрался до задней калитки приусадебного участка по тропе, проложенной между высокими стеблями кукурузы. Закрыв калитку, он огляделся по сторонам и, убедившись, что соседей и других завистливых глаз нет, стремглав пересек дорогу и залез на ореховое дерево, потом как маргышка забрался на ветку, которая как нельзя кстати нависала над дорогой. Он затаился.

Воздух был полон разных звуков, с которыми надо было разобраться; какая-то настырная птица злорадно ликовала в тени под листвой; где-то невдалеке залаяла собака; в центре села кто-то бензопилой заготавливал дрова; отовсюду было слышно кукареканье петухов; справа – соседский мальчик орудовал молотком, видимо, чинил деревянные яблочные ящики. Мази удивился, потому что всего лишь несколько минут назад ничего не было слышно. Но самое главное, он не мог уловить гул машины – он начал расстраиваться. «Неужели вывезли все сено», – про себя с сожалением рассуждал он, и тогда все приготовления напрасны.

Ждать пришлось недолго. Он радовался как ребенок, когда, кинув трезубец с веревкой на кузов машины, сорвал первый тюк. Он быстро спрыгнул с дерева. Схватил тюк и, с опаской глядя по сторонам, утащил его домой. Первая победа. Он лишний раз убедился, что расчет был верным, и таким образом к концу дня сарай будет полный. Только есть одна проблема: когда стаскивал тюк, веревка чуть не выскользнула из рук. Он решил надеть пояс электрика и привязать к ней конец веревки. А жена: «У тебя не хватит мозгов... Дура».

Удача улыбалась Мази. Сегодня его день. Он представил на секунду, как сельчане все как один, косят траву, изнемогая от жары и усталости. Идиоты. Следующая попытка преподнесла еще один сюрприз или ошибку в расчетах: когда стаскивал очередной тюк, его сильно качнуло, и он чуть не свалился с ветки. «Вот будет смех и потеха в селе», – подумал Мази. Не дожидаясь. В голову Мази пришла очередная идея: он решил привязать петлю на поясе электрика с другой стороны еще и к ветке.

«Шаг за шагом я иду к совершенству», – думал Мази. – А жена моя: “У тебя не хватит мозгов, чтобы все рассчитать”. Вот дура».

Удача улыбалась Мази – через некоторое время в его сарае было приличное количество тюков. Он, уставший, потный, целеустремленный, был горд своей изобретательностью и находчивостью.

Всеслышащая и всевидящая соседка Мази по имени Месме установила наблюдение через окно своей кухни в надежде, что обогащение соседа просто так вот-вот прекратится. Но, похоже, Мази об этом и не думал. Тогда она решила выйти на свет и разоблачить вора.

Мази, не ожидавший, что его кто-то мог застукать, чуть не упал с дерева, когда сзади услышал крик.

– Эй, кто там? – строгим голосом Месме заявила о себе.

Мази высунул голову из листвы и покраснел – Месме стояла в нескольких шагах от дерева в длинном обесцветившемся платье. Из-под зеленой косынки выбиваются черные завитки волос. Маленькое круглое лицо поднято к дереву. В серых глазах затаилась завистливая злость. Руки в боки. Она ждет ответа.

– А, это ты, Месме? – виновато отреагировал Мази, оценивая прозорливость жены, – присоединяйся.

– Что ты предлагаешь? – она сделала шаг вперед.

– Если хочешь сена, перейди на ту сторону дороги и, когда я стащу тюк, немедленно хватай его и исчезай. Один тебе, один мне. Хорошо?

С минуту Месме застыла, обдумывая дельное предложение, потом согласилась.

Солнце стояло в зените, неподалеку замычал теленок и запел жаворонок, но слух Мази ничего не хотел различать, кроме гула грузовика.

Грузовик приближался так быстро, неся за собой облако пыли, что Мази не на шутку забеспокоился. Он проявил изобретательность, несколько раз оттолкнувшись от ветки, – остался довольным, потому что ветка его хорошо держала. Он привстал, оставалось несколько метров до цели, через лобовое стекло машины он увидел загорелое и целеустремленное лицо Усейбега, лихача-водителя, который, может быть, заподозрил, что его обворовывают и решил проскочить через каменную глыбу. В следующую секунду машина оказалась под веткой, и Мази резким движением руки бросил зацепку на кузов. Но случилось невероятное: трезубец зацепился за трос, которым крепились борта машины. Сосредоточенный Мази в доли секунды уловил просчет, вспомнив про трос, и как в замедленном кадре с ужасом в глазах увидел, как трезубец с металлическим звуком входил в зацепление с тросом. В этот же момент взбудораженная соседка бросилась в клубящуюся за колесами машины пыль за тюком, который еще не упал.

Мази почувствовал разрывающую боль в пояснице и услышал треск ломающейся ветки, потом – свободное падение.

Месме, ничего не успев увидеть в облаке пыли, попала в адскую передрагу: ослепившая пыль, душераздирающий мужской крик, треск дерева и тупую боль в плече.

Когда водитель подбежал назад, остановив машину, он увидел трагическую картину. Мази, опутанный цепью, со стоном, валялся на земле. Месме, слегка угодившая под ветку, орала как резаная, так и не поняв, что могло случиться за доли секунды.

* * *

Мази пришел в себя на больничной кровати, когда человек в белом халате прикоснулся к его глазам.

– Надо же додуматься, – произнес доктор возмущенным голосом. – Самоубийца. – Сопровождавшие его лица смеялись.

– Доктор, вы ему сделали трепанацию черепа? – тихим голосом спросила Сельми. Она, не шевелясь, стояла у изголовья кровати, держа одну руку на хромированной стойке.

– Да, – выпалил доктор с возмущением. Воображаемый сумасшедший ход событий расплывался и вращался перед его глазами.

– И что там было? – робко спросила жена. Доктор, отворачиваясь от самоубийцы, с трудом справляясь со вспышкой возмущения, ответил:

– Мозг видел, а ума – нет.

Все засмеялись. У Мази на перевязанном лице половина губы сдвинулась в виноватой усмешке. Лицо бледное как мел. Голова в марлевой обертке. Кровь запеклась в уголках обесцветившихся губ. А что остается ему делать?

Когда все ушли, Сельми, пригнувшись к лицу мужа, прошептала о скрытно вынашиваемом убеждении, которое дошло до точки кипения:

– Говорила я тебе: лучше работать руками, чем твоей головой.

Кофе и тетя Мотя

Тетя Мотя – полная, невысокого роста, трудолюбивая женщина пожилого возраста с энергией молодой девушки изо дня в день начинала колдовать на своем кофейном аппарате, примерно в 12 часов 15 минут. К этому времени в столовой, расположенной в полуподвальном помещении Даниловского корпуса университета, к буфету уже подходили первые, самые голодные посетители. Далее они проходили в зал, где можно было расслабиться вместе с кофе. Здесь за одним столом непринужденно могли сидеть преподаватели и студенты, среди которых буквально час назад бушевали нешуточные баталии по поводу «незачета» или «двойки» в зачетной книжке. За столом же никаких обид – полная демократия. Это была территория тети Моти. В каждом уголке кофейни был слышен ее звучный голос, особенно когда она шутила и смеялась. Для нее не существовало авторитетов, и в особых случаях эта чудная женщина вполне могла себе позволить даже крепкое словцо. Один раз я видел собственными глазами, как она очаровывала самого ректора Станиса, который заглянул в столовую вместе с гостями. Были у тети Моти и любимцы, обычно такие же, как и она сама – с чувством юмора. Таких счастливчиков она обычно обслуживала вне очереди. Серьезных и сердитых посетителей она обслуживала молча и с безразличием. Тетя Мотя была неутомима: несмотря на большие очереди, она не ведала усталости и не упускала из виду те мелочи, которые могли повлиять на качество изготавливаемого ею напитка. Шутка ли – на пяти варках за 40 минут обслужить сотни студентов и преподавателей! Ее размеренные и уверенные движения рук были доведены до идеального автоматизма. Сегодня у тети Моти было хорошее настроение.

– Следующий! – произнесла она, продав очередную чашку кофе. Перед прилавком остановился высокий худой африканец, которого она видела в первый раз. Он пообедал и только что подошел к раздаточному столу, бросил копейку на монетницу и пальцами барабанил по прилавку в ожидании своей очереди. – Один... кофе... – громко и выразительно произнес студент. Тетя Мотя с уважением посмотрела на молодого человека.

– Молодец! Ты молодец! – громко похвалила она парня так, чтобы услышал весь зал. – Слышите, вы, советские? Даже этот иностранец знает, как правильно склонять слово «кофе». Оно мужского рода, и я не хочу, чтобы вы обижали это слово.

Зал воспринял слова тети Моти с пониманием, некоторые преподаватели даже согласно покивали. «По сути, – подумал я, – это слово играет огромную роль в жизни этой женщины. Ведь она варила кофе в этом буфете еще задолго до того, как я поступил в университет. Именно поэтому для нее бережное отношение к этому слову так важно». Студент обрадовался и смутился, когда все обратили внимание на его особу. Когда первые впечатления от грамотности иностранного студента немного поутихли, тетя Мотя ласково спросила парня:

– Чего тебе еще, сынок?

После секундной заминки парень ответил:

– И... один... булка.

Мгновение спустя зал взорвался от хохота. На лице студента застыла растерянная улыбка. Он, с минуту назад испытывавший чувство гордости, наверное, понял, что сказал что-то неправильное. Не в силах осознать, что же он сделал не так, молодой человек посмотрел на тетю Мотю, словно ища у нее ответ на свой немой вопрос. Тетя Мотя не растерялась и нашла, что сказать вконец растерянному студенту:

– Ничего, сынок. Булка тоже «моя», и она хоть раз должна почувствовать себя мужчиной.

Кто хочет всего, остается без ничего

Месей, четырех лет, вышел из дома и лениво, с прищуренными глазами посмотрел вокруг. Солнце ярко светило и слепило глаза. Затем он остановил свой взгляд на вершине горы, которая упиралась в небо. Его вечное притяжение и загадка, где заканчивался его мир. Месей для себя твердо решил, когда вырастет и перестанет бояться волков, обязательно взберется на эту вершину и ткнет пальцем в небо. Он не понимал, почему дед все время смеется, когда он начинает об этом говорить. «Ему просто некогда это обсуждать, – думал Месей, – он вечно чем-то занят – то заготовка дров на зиму, то сена, то поле, где он выращивает полбу».

Он хотел вырасти быстрее, и каждый день, подходя к полке, нависавшей над камином, на которой днем отдыхала керосиновая лампа, он вытягивал к ней подбородок, чтобы измерить, насколько он вырос. И каждый раз он с грустью замечал, что перестал расти. Он торопился, потому что не знал, что детство когда-то закончится.

У него была единственная игрушка – папина стеклянная изогнутая пепельница небесного цвета. В пасмурные дни он закрывался в комнате и, ползая на коленях, часами водил ее по кругу рамки теплого разноцветного шерстяного ковра.

Он просто так прятался в углу темной комнаты в ожидании, что его будут искать, звать, – он таким образом испытывал любовь матери или бабушки. Долго простояв так, он с грустью выходил на свет с обманутыми надеждами. Его маленькое сердце страдало от нехватки внимания, поэтому он прибегал к ухищрениям: притворялся спящим, чтобы его подбирали на руки и укладывали спать.

Дед с каждой пенсии ему давал двадцать блестящих копеек, которые он вытаскивал из кисета, перетянутого тесемкой. Он каждый раз их собирал, чтобы попасть в кино. Но его туда не пускали из-за возраста, и ему приходилось тратить их на конфеты и печенье в лавке, в которой всегда пахло пряностями.

Летними вечерами он вместе со сверстниками изучал удивительное явление природы: огромная огненная луна преследовала их всюду. Он бегали от дома к дому, из улицы в улицу и не могли оторваться от ее пристального внимания. Почему так? Не получив вразумительного ответа, они перестали увлекаться небесными телами.

Он целыми днями вынашивал планы мести двоюродному брату Сергею за рубец на лбу от камешка, который он бросил левой рукой со двора и наступил на него на балконе второго этажа. Но когда беспокойный Сергей топором ранил себе ногу и его увезли в больницу в Хучни, Месей заскучал и захотел разделить его боль.

* * *

Он больше всего на свете боялся грома. Он, как преследуемый зверек, с округлившими от страха глазами прятался по углам дома, а бабушка Бегги, пользуясь моментом, добавляла страху в воспитательных целях: «Если не будешь слушаться, отдам тебя бабе-Яге».

После дождя наступало радостное время. В резиновых галошах на босу ногу он определял глубину всех луж в окрестности, хотя каждый раз получал от матери взбучку за порванные галоши и мокрые штаны: детское желание все познать было сильнее всякого наказания.

* * *

Во дворе стоял аппетитный запах хлеба. Бабушка, значит, там – под навесом, где с покрасневшим от жара лицом достает хлеб из тандыра, мажет его верх взбитым яйцом и кладет под скатерть, чтобы не засох.

Месей в блеклой сорочке без рукавов, залатанных брюках и в галошах едва появился в проеме двери, как бабушка Бегги протянула ему корочку горячего хлеба с вечным запахом детства.

– На, сынок, – предложила она, отводя лицо и глаза от жара и дыма. – Кувшин с молоком на балконе.

– Ба... – я не хочу, – отказался Месей. Ему сейчас было не до хлеба – его ждали дела куда поважнее.

Месей все время жалел бабушку, потому что она была слепая на один глаз. Глаз она потеряла в карьере от осколка камня, который выскочил из-под кувалды деда. За что нужно было так ее обидеть, если она такая добрая, красивая, справедливая. Она была родом из села Жагтил и, когда шла в гости к своей родне, всегда брала его с собой.

– Смотри, сынок, далеко не уходи, – напутствовала Бегги внука. – И днем волки могут появиться.

Месей уже чувствовал себя достаточно большим, чтобы не бояться волков среди бела дня, и догадывался, что бабушка специально пугает, чтобы он не уходил далеко от дома. У него в последнее время был один маршрут – на свалку, которая находилась в пятидесяти метрах от дома, где можно было найти все что угодно, чтобы изготовить самокат. Но недавно у него появился конкурент – соседский мальчик по имени Абдул, который был старше него на два года. Проблема была в том, что и он изготавливал самокат, так что то, что находил один, обязательно нужно было и другому.

– Что ты ищешь? – спросил Абдул у Месея, когда они столкнулись лбами на склоне свалки. На солнце он всегда закрывал один глаз.

– Подшипник, – сказал Месей. – А ты?

– Гвозди, – сказал Абдул. – Мне сегодня труднее, чем тебе – они мелкие и их труднее находить.

– Зато их много, – вставил Месей. – А подшипника здесь может не быть, – с огорчением добавил он.

Вдруг внимание обоих привлек большой предмет, который валялся у подножья свалки. Недолго думая, оба рванули вниз. Это была гармонь, брошенная сельским музыкантом и канатоходцем Шаабазом. Месей, хоть и был младше Абдула на два года, добежал до гармони быстрее и вцепился в нее костлявыми пальцами.

– Это моя! – сказал он. – Я первым ее взял.

– Нет, – громче него прокричал Абдул. – Я ее первым увидел.

Завязалась ссора, но никто не хотел выпускать из рук гармонь – она растягивалась и сжималась, играя нескладную музыку.

На крики Месея пришла обеспокоенная бабушка Бегги. Она увлекла их за собой во двор. Никто из мальчиков не хотел уступать друг другу. Великая находка для маленьких сердец.

– Значит так, дети мои, – начала разбирательство бабушка. – Чтобы вы не ругались, я предлагаю: один день пусть гармонь находится у Месея...

– Нет, – гневно прокричал Абдул с диким взглядом.

– Тогда, – Бегги обратила взгляд на Месея, который мертвой хваткой держался за клавиатуру. – Пусть сегодня поиграет Абдул, а...

– Нет, – заревел Месей. – Это моя.

Бегги не узнавала детей, они стали как звери с добычей.

– Значит, остается один выход, – произнесла Бегги и заковыляла домой.

Она вернулась с большими ковровыми ножницами. Она заставила детей растянуть гармонь на всю длину, затем палкой отмерила середину и запустила лезвие ножниц внутрь. Мальчики молча и с изумлением следили за тем, как бабушка разрезала гармонь пополам.

Дети, каждый увидев в своих руках свою часть, вначале обрадовались. Абдул, счастливый, тут же исчез со своей половинкой.

Месей, успокоившись, разглядывал свою половину в полном недоумении – до него только начало доходить, что гармони больше нет.

– Ба..., что ты сделала? – Слезы уже подступили к глазам, и он был готов расплакаться.

– Ничего, сынок, – поучительно произнесла старая Бегги, – все по нашей табасаранской поговорке: кто хочет всего, остается без ничего.

Намёк да невдомёк

Невыспавшийся пятиклассник Вова и его отец, Александр, всеми уважаемый фермер на селе, безропотно сидели на кухне за стеклянным столом в ожидании завтрака. Каждодневная вынужденная процедура.

Сейчас войдет мать в фартуке с подносом в руке и улыбкой на лице. Она скажет: «Приятного аппетита, мальчики. Что, проголодались?».

Но не тут-то было: она вошла молча и с треском водрузила тарелку с яичницей перед Вовой. Это стало для Вовы и тем более для мужа полной неожиданностью.

– Мама, ты что? – испуганно, с широко открытыми глазами проронил Вова, хлопнув глазами.

Отец выпрямился на стуле.

– Я – ничего, – громко произнесла мама. Ее голубые глаза сверкали, нежные черты напряглись. – А вот ты что? Я тебя родила, вырастила, кормлю, а ты...

– Ма-ма, – протянул Вова в недоумении. – Что случилось?

– Математика – пять, – продолжала Света. – Английский – пять, а русский – три. Можешь объяснить?

Вова поднял многозначительный взгляд из-под длинных пушистых ресниц на отца, как бы выводя его на чистую воду.

Светлана тоже переметнула взор на мужа, догадавшись, где собака зарыта.

– Подумаешь, русский – тройка, – начал оправдывать отец, заступаясь за сына. – Математика нужна, чтобы считать деньги, английский – для бизнеса. А русский, что его учить – он и так родной. Мой дед любил говорить: языком масла не собьешь.

– Это, он, наверное, употреблял по другому случаю, – съязвила Света. – Думать надо.

– Правильно, мам... – поворачивая голову вслед за мамой, поддержал Вова, – дед мне объяснял значение этой поговорки. Это, когда человек много болтает, а работать не хочет.

Отец через стол дотянулся до Вовы и слегка шлепнул по головке со словами:

– Это дед имел в виду тебя, сынок. Я никак не могу приучить тебя убирать со стола твои школьные принадлежности, а то все мама, да мама.

– Да, ладно вам: один стóбит другого, – сказала Света.

* * *

Наступала весна, оттягивая полевые работы из-за дождей. Александр нервничал – поле было готово, а сеять не мог. А когда наладилась погода и ушли сроки, его начали мучить сомнения – сеять или нет. Посевная техника была собрана в углу большой клетки. Рабочие беспечно сновали между тракторами и сеялками, резвясь как маленькие дети – им было на все наплевать: проблемы вождя их не интересовали. Лишь Саша, одетый в резиновые сапоги и гимнастерку, уныло хранил молчание. Он осматривал огромное поле, которое может преподнести сюрприз. Так что это было для него шекспировским вопросом – «быть или не быть?».

– Александр Николаевич, – обратился к нему один из старых трактористов, сочувственно глядя из-под насупленных бровей. – Что будем делать?

Саша тяжело вздохнул. Он нагнулся и взял горстку чернозема, и начал катать между пальцами до тех пор, пока она вся не просыпалась обратно на землю.

– Не знаю, – беспомощно признался Саша.

– Вы знаете, что, – посетовал тракторист, – надо поинтересоваться у старика Дмитрия Яковлевича. Он точно не ошибется: один из лучших агрономов района все-таки. Я помню в добрые времена с соседних колхозов приходили к нему за советом. И...

– А что сейчас времена не добрые? – перебил его фермер, – мало плачу?

– Дело не...

– Ладно, – Саша взмахнул рукой, – еще политики тут не хватало. Поеду до агронома.

Саша окликнул сына, который знакомился с кабиной трактора, взял его с собой и укатил в село.

Дмитрий Яковлевич, старик семидесяти пяти лет со светло-голубыми глазами, морщинистым лицом, медленно добрался до калитки из глубины двора, где стояла его пасека.

– О, Саша, – приятно удивился старик, снимая с головы сетку от пчел. – Проходите. Тут у меня столик и самовар. Сейчас позову старушку и...

– Да, нет. Спасибо, Яковлевич, – вежливо отказался Саша, хотя слово «самовар» прозвучало вполне заманчиво, – торопимся в поле.

– Мое дело пригласить...

Саша давно его не видел и заметил, как время беспощадно старит людей. Глаза слезились, кожа на лице повисла. Но его не покидали любовь к жизни и крепость духа. Советский характер.

– Знаете, я не могу сидеть, сложа руки, – продолжал старик общение, в котором он, видимо, нуждался больше всего. – Я тут завел пчел, занимаюсь медом. Вообще, доволен, что делаю бизнес. И не только это: пчелы – удивительные создания, и они увлекают человека. Знаете, что сказал Эйнштейн про пчел. Он сказал, что человечество умрет, если исчезнут пчелы. Я...

– Извините, Яковлевич, – перебил его Саша. – Мы торопимся. В следующий раз я приеду к чаю и поговорим о пчелах и политике.

– Вы не хотите меня слушать, – с обидой в голосе произнес старик, – говорите, что вас привело в мою берлогу.

– Да, я хотел спросить вас насчет сева, – Саша развел руками. – Видите, поздняя весна. Что будет, если посеять яровые?

Старик около секунды обрабатывал вопрос в голове, потом поднял голову к небу, где караваном неслись кисейные белоснежные облака в сторону Эльбруса. Его шейные мышцы давно стали дряблыми и повисли. Он ответил:

– Ничего не будет!

Тягостная пауза. Саша хотел кое-что уточнить и раскрыл рот, но старик отвернулся и стал уходить.

Они простились на тяжелой ноте. Старику нужно было поболтать, видимо, дети не баловали его посещениями, а Саша торопился в поле. Такова жизнь.

Приехав в поле, Саша дал команду на сев. Тракторист Семен попытался что-то сказать, но Саша быстро дал понять, кто хозяин и все понеслось: трактора загудели, и рабочие засуетились. К концу дня с севом все было покончено.

Прошел месяц. Возвращаясь из города вместе с семьей, Саша свернул с трассы на грунтовку. Машина запрыгала, и Света проснулась.

– Ты куда?

– В поле, – ответил Саша. – Посмотрим, как всходы.

По мере того, как машина приближалась к посевам, у Саши росло напряжение: еще издаля ему не понравился цвет поля. Он сосредоточился и сморщил лоб.

Света искоса наблюдала за переменной в настроении мужа. – Что-то не так?

Саша, погруженный в тяжелые мысли, оставил вопрос жены без ответа до тех пор, пока машина не остановилась, въехав в поле.

– Да, случилось, – ответил Саша, выпрыгивая из машины. – Все. Крах. Это конец.

* * *

В поле не было всходов. Александр понес большие затраты и все коту под хвост.

Вова, все время дремавший на заднем сиденье, проснулся и вылез из машины.

– Старик долбаный, – произнес Саша сквозь стиснутые зубы. – Все пропало.

– Так, ты объяснишь, что случилось? – спросила Света, повышая голос.

– А ты не видишь своими глазами? – закричал Саша. – Смотри! Не будет урожая. Кре-
диты...

– А при чем здесь старик?

– Он сказал – сеять, – произнес Саша, тяжело дыша, – Это он...

Вова вмешался в разговор.

– Папа, не надо обманывать, – вставил он. – Яковлевич сказал: «Ничего не будет». Смотри
– ничего нет.

Саша глубоко задумался, обрабатывая в голове перипетии русского языка.

– Эх, ты, – сказала Света, хлопая мужа по плечу, – теперь, надеюсь, ты понял значение
русского языка для фермера – «Намёк да невдомёк».

Никто никому не нужен, никому ничего не надо

Диссо, студент инженерного факультета из Шри-Ланки, наклонившись над кульманом, наносил последние штрихи к курсовому проекту, когда в комнату вошел его единственный сосед из Камеруна – Бо. Всегда целеустремленный, задумчивый, победитель всех олимпиад среди иностранных студентов. Шляпа серого цвета, галстук по последней моде и костюм, купленный в Париже, подчеркивали его статность, прищуренные глаза – ученость.

– Все, я бросаю учиться, – заявил он соседу возмущенным голосом, бросая дипломат на свою кровать.

Диссо выпрямился, подбирая слова, чтобы выразить свое удивление, ведь Бо был отличником учебы, примером для подражания для других студентов.

– Ты что, с ума сошел или... – Диссо сделал паузу, строя догадки, – провалил экзамен?

– Нет, пятерка, – ответил Бо, откидываясь на кровать.

– Тогда в чем дело? – продолжал удивляться Диссо.

– Ты представляешь – Олег, советский студент, который проживал в комнате напротив, тоже получил пятерку.

На лице Диссо появилась улыбка.

– Ты что, завидуешь? Это нехорошо с твоей стороны. Все-таки он твой лучший друг.

– Да, это так, – Бо подтянулся на кровати, чтобы поудобней расположиться, – это несправедливо. Ты понимаешь, он же не учится, лекции не пишет. Да, он всегда пишет только первую лекцию, потом идет в библиотеку, чтобы искать, какой книгой пользуется профессор, и всё. Если не найдет в университетской библиотеке, то он любыми путями находит где-нибудь в другом месте. Я наблюдал за ним. – Он приподнялся, выставил указательный палец. – И он целый семестр валяет дурака, изучая иностранные языки, а в конце на тебе – пятерочка в зачетке по инженерным предметам. Как думаешь, это справедливо?

Диссо, с лысеющей кучерявой шевелюрой и бакенбардами как у Пушкина, отошел от кульмана.

– Бо, ты же умник, приехал в Университет дружбы народов, проучившись два года в Сорбонском университете в Париже. Кто тебе мешает? Делай как он.

Бо тяжело вздохнул. Ему надо было принять ответственное решение.

– Ну, что, – не унимался Диссо, – кишка тонкая?

Бо растянул рот в улыбке.

– Да не так ты говоришь, – произнес Бо наставительно. – Это русская поговорка: «Кишка тонка». Так надо спрашивать.

– Тебе виднее, – вставил Диссо. – Ты же победитель всесоюзной олимпиады по русскому языку среди иностранцев. Ну что, кишка тонка?

– Нет, не тонка, – решительно произнес Бо. – Увидишь, что я сделаю в следующем семестре. – В подтверждение он встал и протянул руку Диссо. – Я не уверен, но я попробую. Не уверен, потому что у нас с Олегом разные системы школьного образования: у него – советская, у меня – западная.

Каникулы закончились, начался семестр. Бо отошел от систематической учебы. Не зная, что делать со свободным временем, стал у Олега учиться играть в шахматы. Это его на время затянуло, и частенько можно было видеть Бо в коридорах общежития с шахматной доской под мышкой. Он радовался как ребенок, когда выигрывал, и сильно переживал, когда проигрывал. Даже когда здоровался, на вопрос «Как дела?» отвечал с огорчением: «Плохо. Опять проиграл».

Следующим увлечением Бо стала игра в спортлото. Студент Игнасио из Доминиканской республики, сосед Олега по комнате, с первых дней учебы в Москве увлекался этой игрой, не

имея особых успехов: то выигрывал, то проигрывал. Когда к нему подключился математик Бо, они стали разрабатывать к этой игре математические модели, используя теорию вероятности. К ним пришел успех – в один день они выиграли крупную сумму. На радостях Бо приобщился к пиву. Можно было этих двоих видеть в коридоре сидящими на корточках и попивающими пиво из горла бутылки. Азарт затягивал Бо все глубже. Но вскоре удача стала отворачиваться от них: то ли в теорию вероятности закралась ошибка, то ли спортлото раскусило их. И один раз оба они остались без средств к существованию на месяц, заложив целиком стипендии в лото. Кое-как, при помощи одной стипендии Олега они выжили втроем. С горя Бо закурил. Он начал медленно, но затем быстро приобщился к куреву. У него вскоре появился кашель. Врач вынес категоричное заключение – бросить курить. А Бо не мог – мозг все время требовал никотин.

Бо придумал хитрое философское решение: он отдал целую нетронутую пачку сигарет Олегу, попросив его при этом не давать сигарету, когда он попросит. Не прошло и десяти минут, как Бо тихо постучался в комнату Олега и вежливо попросил одну сигарету. Получив отказ, Бо без обиды вернулся к себе в комнату. Но мозг требовал дозу и, не выдержав и пяти минут, Бо вновь оказался в комнате Олега в роли попрошайки. Он получил вежливый отказ во второй раз. Но в третий раз он получил пачкой сигарет в жесткой упаковке в лоб. Это взмузило Бо, и он после этого перестал курить.

Семестр шел своим чередом. Двое в группе не учились – советский студент Олег и Бо из Камеруна – у них была своя тактика. Диссо наблюдал и иногда, видя беспечного Бо, смеялся – шутка ли, провалить сессию. Бо был спокоен, потому что получил кое-какие инструкции от Олега, внушавшие уверенность.

За пять дней до начала сессии они вдвоем пошли в библиотеку и обзавелись нужной литературой. Они забрались каждый к себе в комнату и начались гонки, при которых время приобретает другие очертания. Начинает его не хватать ни на отдых, ни на еду. Это время, когда так хочется, чтобы в сутках было больше часов, чем двадцать четыре. После первого же дня Бо осунулся – он, потеряв ориентиры времени, систематически стал опаздывать в столовую. Он голодал, уставал, нервничал, потому что чувствовал большие нагрузки. И случилась сенсация – Бо провалил первый экзамен. Первый в своей жизни. Авантюра закончилась крахом. Все переживали за Бо.

В посольстве от Бо потребовали объяснения.

– Я не знаю, почему так случилось, – оправдывался Бо. – Я провел эксперимент и понял, что наша система образования учит мозг, а советская – тренирует.

– Это как? – недоумевал представитель посольства. Бо выдержал паузу, чтобы правильно высказаться.

– Вы знаете, советские студенты на экзаменах могут запоминать огромный объем информации, если она нужна, и забыть наотрез, если она не нужна.

Дипломат не понял и продолжал сидеть с открытым ртом.

– Вы понимаете, вот, например, мой сокурсник Олег, когда сдает экзамен, знает все, а когда, сдав экзамен, выходит из аудитории, он не помнит ничего. Это как магнитофон: хочет – записывает, не хочет – стирает. Это я считаю продуктом тренировки мозга.

– Одну минуту, – недоумевал дипломат, – какой смысл учить, чтобы потом забыть.

* * *

– У них есть поговорка: не для знаний, а для экзамена.

Дипломат не понимал, он не усваивал сказанное и мотнул головой.

– Дело в том, – начал Бо втирать мысль, – Олег учится на инженерном факультете, и он не думает работать по специальности – он хочет стать переводчиком.

– Почему?

– Потому что у них инженеров хоть пруд пруди. Зарплата низкая, а переводчики хорошо зарабатывают.

– Ладно с этим Олегом, – сказал дипломат, махнув рукой. – И что надо нам делать, чтобы быстро черпать много информации?

Бо сделал заключительный, тяжело удавшийся вывод с тяжелыми последствиями и, глядя в глаза дипломата, сказал:

– Надо учиться в советской школе.

* * *

Бо после этого случая перестал искушать судьбу, остался верен своему стилю и, успешно окончив учебу, поступил в аспирантуру, а авантюра осталась в памяти как детская попытка залезть в чужой огород.

Прошло много лет. Группа иностранцев проводила исследования на предмет образованности в российской глубинке. Результат обескураживал: практически они не находили людей, владеющих иностранными языками. Они возвращались обратно в город, когда на окраине хутора встретили взрослого мужчину в резиновых сапогах и оборванной рабочей одежде. Он толкал впереди себя тачку. Это был Олег.

– Пардон, – безнадежно обратился к Олегу один из группы, глядя на него поверх очков. – Ду ю спик инглиш?

Ответ всех ошеломил. Олег с достоинством ответил на чистом английском:

– Ес, ай ду. Еще я говорю на испанском и арабском.

– Это невероятно! – воскликнул очкарик, – а...

Олег не позволил ему закончить вопрос, без труда догадавшись о его сути. Он с огорчением в голосе произнес: «Никто никому не нужен и никому ничего не надо».

Он развернулся и засеменял дальше, толкая тачку по ухабистой грунтовой тропе, которая шла от его сарая к свалке на окраине села.

Сын будет таким, каким воспитаешь (лезгинская поговорка)

Незваные гости

Первыми о наступлении утра оповещали петухи, кукарекая раскатистым гимном по всему селу. По выработанной годами привычке Гаджалим из Кураха вставал одним из первых, потому что он с детства освоил один урок – хочешь хорошо жить, надо трудиться. В его хозяйстве было два быка для пахоты, лошадь, на которой он любил ездить по окрестным селам, где у него было много друзей.

Этот июньский день был насыщен запахами лета – трава на горных лугах ждала своего часа, поблескивая в лучах солнца зеленым переливающимся цветом и раскачиваясь на ветру. Следом покос пшеницы, затем помол и пахота.

Гаджалим вернулся домой с сенокоса вместе с сыном Хидиром, взрослым юношей, который уже стал опорой в ведении хозяйства, иногда ленивый, иногда шальной, временами трудолюбивый. Они, поджав ноги, расположились на ковре за скатертью. Замаячила дочь Пержиан в свободном платье, штанах из черного бархата, низ которых был украшен разноцветной тесьмой. Длинная коса спрятана в чухте, сшитой из дорогого шелка. Туникообразная рубаша с прямыми встроенными рукавами, с вертикальным разрезом на груди подчеркивала ее высокую, стройную фигуру, которая делала ее похожей на лань – вся собранная, ни нотки голоса при отце, на лице ни тени улыбки. Со светлыми глазами, тонким поющим голосом и благородным отзывчивым сердцем она больше была похожа на свою мать. Трудолюбие, дисциплину, принципиальность унаследовала от отца. Временами отец, видя ленивость сына, жалел, что она не родилась мальчиком. Быстрыми, размеренными движениями она подала свежий горячий лаваш, кусок овечьего сыра и суп из айрана с рисом.

* * *

В комнату вошла обескураженная жена Хадижа.

– Гаджалим, у нас гости, – мрачно сообщила жена с порога.

Гаджалим поднял суровый взгляд на нее. Ровные арки бровей и тонкие губы подчеркивали его решительный характер.

– Кто такие? – спросил Гаджалим и встал с легкостью охотника.

– Не знаю, – ответила Хадижа. – Говорят из Ахты.

Гаджалим, еще спускаясь по лестнице, по голосу узнал старого знакомого Керима. Только он не знал и не мог догадаться, зачем он к нему пожаловал.

За воротами дома стояли три всадника на породистых лошадях в длинных серых подпоясанных бешметах, на боку висели кинжалы, оправленные в серебро.

– О-х, Керим, – произнес Гаджалим, раскрыв руки для объятий. – Какими судьбами! – Церемония рукопожатий. – Заходите домой. Пошли, пошли. – Он завел их в гостевую комнату. Жене Гаджалим на ходу повелел приготовить хинкал из сушеного мяса.

– Да, нет спасибо, Гаджалим, – отказался Керим, усаживаясь на толстую подушку, набитую шерстью. – Мы ненадолго и по очень деликатному вопросу. На хинкал у нас еще будет много случаев.

– Ну, рассказывай, какие у вас новости в Ахтах, – начал беседу Гаджалим.

– Ничего нового, – сказал Керим. – Тихо идет коллективизация, и ты же знаешь – у меня самый большой двор в селе. У начальников большие планы. Они хотят освоить и склоны гор, и долину реки – вообще, я дал добро и отдаю своих коров и лошадей в колхоз. Думаю, зачем идти против течения. К тому же, моему сыну предложили стать председателем.

– О-о, – одобритительно кивнул Гаджалим, – это уже меняет дело.

Керим лукаво и многозначительно улыбнулся.

– Гаджалим, – начал Керим, переходя на официальный тон, – мы с тобой давно друг друга знаем. Ты влиятельный человек в твоём селе, а меня хорошо знают в Ахтах. И-и, – он замешкался, раздумывая над каждым словом, – нам следовало бы быть теснее. Ну, другими словами, нам бы следовало скрепить семейные узы.

У Гаджалима, который уже догадался, в чем дело, дрогнула мышца на лице, и он с напряжением продолжал слушать самого богатого человека в Ахтах.

– У меня есть сын, – продолжал гость, – он уже взрослый, самостоятельный мужчина. А у тебя дочь, Пержиан. И я вместе с моими братьями пришел в твой дом просить руки твоей дочери.

Гаджалим застыл и продолжал сидеть с открытым ртом, от неожиданности не в силах произнести ни слова.

– Это будет богоугодное дело, Гаджалим-халу, – продолжил другой, видимо, младший брат Керима. Из-под папахи из овечьей шкуры на Гаджалима смотрели карие глаза, которые разделял нос с горбинкой.

«Он тоже хочет убедить меня в богоугодном деле», – успел подумать Гаджалим.

– На все воля Аллаха, Керим, – наконец выдал Гаджалим. – Я и не думал, что моя дочь такая уже большая, и ее можно выдать замуж. – Время так быстро бежит, и я не замечаю, как все меняется. – Я не знаю, что и сказать.

– У нас славный и уважаемый род, Гаджалим-халу, – вмешался в разговор третий с квадратным лицом. – Вы не пожалеете – мы будем беречь ее как зеницу ока. Мы, прежде чем прийти в ваш дом, долго думали и решили, что наше объединение станет хорошей основой для дружбы двух сел.

«Этот косой еще и политик, – подумал Гаджалим, – складно говорит».

– Я не могу дать вам ответ сразу, – вежливо произнес Гаджалим. – У меня есть старший брат. Я должен обсудить это.

– Конечно, конечно, – согласно кивнул Керим. – У нас есть время, и мы можем подождать.

Гаджалим склонил голову в нерешительности. Он понимал, что это хороший вариант, чтобы обзавестись родственными отношениями с состоятельным родом: у его сыновей будет хорошая опора и поддержка, а у дочери будет обеспеченная жизнь.

Вдруг дверь в гостиную приоткрылась и появилась голова Хадижы.

– Извините, – произнесла она робким голосом. – Гаджалим, можно тебя.

Она увлекла мужа в дальний угол коридора.

– Они пришли засватать Пержиан? – спросила она немедля.

– Да, – коротко произнес Гаджалим.

– Ты уже решил? – Хадижа смотрела в глаза мужа.

– Нет еще.

– И не думай!

Гаджалим нахмурился.

– Почему?

Хадижа молчала, она не знала, как это сказать мужу... Она проглотила комок.

– Ты знаешь сына Габиба, Джабраила?

– Знаю.

– Он примчался только что и...

– Что «И»?

Хадижа подняла глаза полные ужаса на мужа.

– Он сказал, что если вы выдадите ее замуж, то он ее сегодня же похитит, – произнесла Хадижа дрожащим голосом, – она в подавленности опустила голову.

Гаджалим пришел в ярость – его зубы заскрежетали.

– Он, сын Габиба, будет диктовать мне условия. Я убью его. – Гаджалим, забыв, что дома у него гости, направился за ружьем. Хадижа выступила вперед и взмолилась.

– Гаджалим, я тебя умоляю, не делать этого. Не надо пачкать себя кровью. И... – она сделала паузу. – О дочери подумай.

– Что! – громко прокричал Гаджалим, теряя самообладание. – Что ты говоришь. Моя дочь...

Гости, тихо сидевшие в гостиной, глядя друг на друга и безучастно шаря глазами по интерьеру комнаты, услышали глухой выстрел, затем окрики:

«Остановись! Не надо убивать!» – и они переполошились. Младший аж подпрыгнул на месте и тупо уставился на старшего брата.

– Что такое? – выдавил он с открытым ртом и скосившимися от страха глазами. – Он хочет нас убить. Уходим!

В коридоре шум усиливался.

Братья вскочили и один из них сунул голову в проем двери и застыл.

– Пустите меня, – кричал Гаджалим, вырывая ружье из рук жены и подоспевшего сына. На полу лежали осколки разбитого пулей глиняного кувшина, залитые его содержимым – молоком.

Гости молча прошмыгнули мимо разбушевавшегося не на шутку хозяина дома, опасливо глядя по сторонам, быстро отвязали лошадей и дали дёру.

– Слава богу, – сказал младший, вздыхая с облегчением, – успели унести ноги живыми. Ей-богу, эти курахцы, я всегда говорил, ненормальные какие-то. Расскажи кому – не поверит: всего-то хотели засватать его дочь, а он в ружье. Нет, я больше в Курах за невестой – никогда, брат. Так что, давай ищи невесту где-нибудь в другом месте, но только не в Курахе.

Сенокос

Гаджалим долго не мог прийти в себя от ярости, когда какой-то сопляк бросил ему вызов и поставил условия. Коса Гаджалима скользила по траве со свистом, и он после каждого взмаха шел на один шаг вперед. Разбираясь со своими мыслями, куда глубоко впутался сын Габиба, он то и дело останавливался, опираясь на косу и глядя на село.

– В чем дело, папа, ты устал? – спросил Хидир, приблизившись к нему и сделав последний взмах.

– Не могу успокоиться, – прошипел Гаджалим, мотнув головой. – Еще никто не позволил себе так поступить со мной – прийти ко мне домой и сказать: «Я украду твою дочь». – Хидир стоял с опущенной головой, не желая нарушить разговор отца с самим собой. – Ты хоть знаешь его, этого Джабраила?

– Да.

– И что ты можешь сказать о нем?

– Высокий парень с зелеными глазами...

– Подожди, подожди, – оборвал его отец. – Меня не интересует цвет его глаз. Ты мне скажи, что за семейство.

– Что он, что его отец – трудолюбивые, отзывчивые люди, – поведал Хидир, разжевывая длинный, свисшийся к подбородку стебель травы. – Еще, Джабраил с характером – никому не даст себя в обиду.

– Тогда, почему они такие бедные?

– Не знаю, папа, – признался Хидир. – Может, они просто невезучие. Недавно у них сгорел сарай, и им пришлось продать всю живность. К тому же, папа, богатство в таких делах – не главное. Бедность может подкрасться к любому дому.

– Хватит, хватит, – Гаджалим гневно остановил сына, подняв руку. – Уму-разуму меня учишь. Никто не сможет мне доказать, что бедность лучше, чем богатство.

– Я не это имею в виду, папа, – Хидир продолжал отстаивать свою точку зрения. – В обществе людей ценят не по количеству денег, а по их отношению к другим людям. Ну, например, возьмем Рамазана Гасанова, директора школы, который первым в селе получил высшее образование. Он, я бы не сказал, что богатый, но смотри, каким уважением пользуется в селе...

– Он стал твоим учителем, сынок? – с возмущением произнес Гаджалим. – Ты несешь какую-то галиматю. Речь идет о твоей сестре, о ее судьбе, а ты мне решил лекцию по нравственности прочитать. Завтра не получится так, что твоя сестра придет к нам с опущенной головой, жалуясь на трудности, связанные с бедностью? И тогда этот Керим из Ахты будет смеяться надо мной за непредусмотрительный шаг. Ты об этом не подумал. – По тону голоса было видно, что Гаджалим примерял Джабраила в качестве зятя и искал ему место в своем разбушевавшемся сердце.

– Я не знаю, – коротко ответил Хидир. – Этого никто не может знать. Джабраил, может, добьется большего, чем его отец. А решать, как поступить – тебе, папа, как главе семьи.

– Ты я вижу не против, – Гаджалим наконец поставил вопрос ребром.

– Нет, – ответил его взрослый сын, полностью отдавая себе отчет за судьбу сестры, зная хорошо своего друга по имени Джабраил.

День свадьбы

Пержиан в день свадьбы в нарядном платье, сшитом по линии талии с лифом, плотно облегающим фигуру и с нагрудником из дорогого бархата, увешанным серебром, выглядела необычно красиво. Отец стоял среди гостей в традиционной распашной черкеске белого цвета, изготовленной из верблюжьей шерсти. Черкеска была надета поверх бешмета с нагрудным разрезом. Отец в папaxe выделялся среди всех высокой и строгой осанкой. Он больше молчал и был в гнетущем настроении. Пержиан хорошо запомнила эту папину парадную форму, потому что она за ней следила, перешивала пуговицы, меняла разрезы и манжеты, пришивала накладные карманы, а когда он несколько лет назад собрался на встречу в Ахтаx с Нажмутдином Самурским, то попросил карманы убрать – мода быстро менялась.

Во всей свадебной церемонии только один раз ее глаза поймали грустные, полные печали глаза отца, и ее сердце застучало еще сильнее: ее обуревало чувство, что нить, которая соединяет ее с ним, натянулась и вот-вот порвется. Это прощание: прощание с детством, с отчим домом, где она была окружена любовью и вниманием. Голоса свадебной песни глушили ее мысли, но остановить поток ее слез не мог никто. Она понимала, что вступает во взрослую жизнь и чужую семью, полные неизвестности и сомнений.

* * *

Время шло, а Гаджалим не мог себе простить, что пошел на поводу у жены и сына Хидира, а также поддался на уговоры Джабраила и его высокомерию: «В качестве калыма я отдам мешок денег, хотя Пержиан стоит дороже». Его дочь продолжала жить в нужде, хотя она никогда не показывала этого, не жаловалась и все время продолжала жить в ожидании чуда. Это «чудо» пришло через два года: она родила сына и дала ему имя отца по его наставлению – коротко – Гаджи.

Сумка

У Гаджалима с утра было плохое настроение – год выдался неурожайным: яблоневый сад навевал тоску – под осадой гусениц яблоки скукожились, а сливы не уродились вовсе. Вернувшись домой в полуденное время, он на крыльце заметил незнакомую набитую тканевую сумку. Он из любопытства раскрыл ее и нащупал рукой банку меда, кусок овечьего сыра и масло. Его лицо изменилось – губы поджались, глаза прищурились, и он гневно крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.